

Г.И. ЧУФРИН**ПОСТСОВЕТСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЕВРАЗИИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ**

Предлагаемая статья посвящена анализу участия новых постсоветских государств Евразии в международных экономических отношениях, текущих задач и стратегических целей этой политики в хозяйственном развитии этих государств. Многие, а по существу большинство из них, фактически оказались не готовы после достижения политического суверенитета к решению комплексных хозяйственных задач национального развития, ибо не имели не только организационного опыта в осуществлении самостоятельной и эффективной хозяйственной политики, но и необходимого для этих целей кадрового, технологического и финансового обеспечения. Поэтому новые независимые государства Евразии были вынуждены обратиться к зарубежным странам для нахождения адекватных форм и методов взаимодействия с ними по этой проблематике. В этой связи в статье рассматривается характер взаимоотношений постсоветских государств с важнейшими зарубежными партнерами на двусторонней основе и на многосторонней основе с международными экономическими организациями, а также характер сравнительной роли в этих связях политических и экономических факторов. Одни из постсоветских стран стали принимать участие в реализации евразийского интеграционного проекта, возглавляемого Россией, другие стремятся обеспечить решение своих внешнеполитических и внешнеэкономических задач, прибегая к приоритетному укреплению связей с США и Евросоюзом, третьи видят выход в активизации ориентации преимущественно на ближайших региональных партнеров (таких как Китай, Турция, Иран). Впрочем, ни одно из этих направлений внешнеэкономической деятельности не стало доминирующим на постсоветском пространстве, более того, отдельные их элементы могли получать приоритетное значение, соседствуя с другими или даже сменяя их в различные периоды развития тех или иных постсоветских стран. При этом, спустя три десятилетия после своего образования, новые суверенные государства Евразии, пережив сложные процессы формирования национальной государственности, стали существенно отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное, по своим стратегическим целям, стремлениям и ориентациям. Это, в свою очередь, обусловило серьезные сдвиги в их подходах к выстраиванию отношений

со своими внешними партнерами как в двустороннем, так и многостороннем форматах. В этих условиях важнейшим национальным приоритетом России является проведение такого внешнеполитического курса на постсоветском пространстве, который бы максимально гибко и своевременно реагировал на идущие здесь социальные, экономические и политические процессы, подчеркивая при этом, что важнейшими задачами такой политики являются не внешнеполитическая экспансия и не установление великодержавной гегемонии, а развитие партнерских и дружественных связей с постсоветскими странами на основе равноправия и взаимной выгоды.

Ключевые слова: сценарии развития, международная торговля, инвестиционный климат, ЕАЭС, Экономический пояс Шелкового пути, Восточное партнерство.

JEL: F02, F13

Рассмотрение места и роли постсоветских государств Евразии в глобальной экономике, становления их хозяйственных связей с зарубежными партнерами из стран ближнего и дальнего зарубежья, а также оценка достигнутых результатов этих связей и дальнейшие перспективы их развития относятся к числу важных проблем современных международных экономических отношений. Следует подчеркнуть, что при этом развитию хозяйственных связей с Россией большинство постсоветских государств по-прежнему уделяет важную (нередко — центральную) роль, что обусловлено широким комплексом причин политического, экономического, исторического, демографического и военно-политического характера и тем самым отвечает коренным национальным интересам самих этих государств.

В свою очередь это объясняется длительным — в ряде случаев многовековым — сосуществованием с Россией ныне новых суверенных стран Евразии в рамках единого многонационального государства. Сложившиеся в этот период культурно-цивилизационные, языковые, семейные отношения не могли бесследно исчезнуть с распадом СССР и продолжают существовать, свидетельствуя о сохранении, хотя и в измененном виде, исторических связей народов некогда единого государства в условиях формирующейся субъектности постсоветских стран и оказывая как косвенное, так зачастую и самое прямое влияние на многие аспекты их внутренней и внешней политики.

Серьезные импульсы, стимулирующие регенерацию, развитие, а также углубление разнообразных хозяйственных связей и контактов между новыми суверенными государствами Евразии и Россией (в первую очередь в сопредельных приграничных зонах и районах, но не только) создаются в результате идущего процесса евразийской экономической интеграции, несомненным лидером которой выступает Россия. Осуществление многостороннего хозяйственного сотрудничества и интеграционных связей на постсоветском пространстве стимулируется стремлением новых суверенных стран использовать межгосударственную кооперацию для реше-

ния неотложных проблем своего социально-экономического развития, в т.ч. проведения реиндустриализации и модернизации национального производства, достижения существенного роста качества образования и здравоохранения населения. Не удивительно поэтому, что несмотря на значительные трудности, переживаемые в последнее время странами — членами Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), продолжается их активное участие в создании единого рынка товаров, услуг, труда, инвестиций и т.п.

В свою очередь постсоветские государства, несомненно, входят в зону жизненно важных национальных интересов Российской Федерации, занимая в ней видное место. В экономическом отношении высокая значимость этих государств для России определяется тем, что здесь находятся богатейшие природные ресурсы, включая месторождения нефти и природного газа, урановых руд, цветных и редких металлов, доступ к которым необходим для обеспечения долгосрочного и устойчивого развития российской экономики.

Весьма важным фактором является также развитие многостороннего сотрудничества с этими государствами в интересах обеспечения взаимной военно-политической безопасности, в т.ч. в целях эффективного противостояния угрозам международного терроризма и наркоторговли, особенно на афганском направлении.

Необходимость минимизации и последующего преодоления последствий многочисленных кризисных явлений финансово-экономического характера, наблюдаемых в современном мировом хозяйстве и негативно влияющих на социально-экономическое состояние как новых суверенных государств Евразии, так и России, не только подтверждает их взаимную заинтересованность в продолжении такого сотрудничества, но и вызывает настоятельную необходимость поиска и внедрения наиболее эффективных его форм.

Изучая текущее состояние и дальнейшие перспективы межгосударственного сотрудничества постсоветских стран с Россией, а также повышение его эффективности, следует подчеркнуть не только происходящую эволюцию и совершенствование их традиционных связей, но и развитие принципиально новых форм их взаимодействия в рамках ЕАЭС и ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности).

Вместе с тем на пути к реализации целей межгосударственного сотрудничества новых суверенных государств Евразии и России существует и немало препятствий, причем нередко труднопреодолимых. Среди важнейших из них, тормозящих либо подрывающих принятие рациональных решений во взаимных интересах, — большой разрыв в уровнях экономического развития многих постсоветских стран; резкий контраст между ресурсным потенциалом отдельных таких государств и нехваткой у них квалифицированных кадров, финансовых и технологических возможностей для социально-экономического подъема; существование, а порой и неприкрытое поощрение местными и за-

рубежными силами элементов русофобии во внутренней и внешней политике этих стран.

Политические и социально-экономические процессы в бывших советских республиках, носившие крайне сложный и противоречивый характер еще накануне распада Советского Союза, сохранили свое нестабильное состояние и в постсоветский период ввиду целого комплекса причин как сугубо текущего, конъюнктурного, так и фундаментального характера. Важная роль последних обусловлена типичным для многих, если не для абсолютного большинства постсоветских государств Евразии, глубоким противостоянием в расстановке местных политических сил, ставших следствием усиления социального недовольства в обществе и роста требований скорейшего решения целого ряда неотложных задач внутренней и внешней политики.

Во-первых, к их числу относятся требования социально-экономического характера, связанные с созданием условий для ускорения экономического развития, обеспечения технологического прогресса, решения проблем трудовой занятости населения, сокращения безработицы, существенного улучшения систем здравоохранения и пенсионного обеспечения, образования и т.д.

Во-вторых, активно ставятся задачи обеспечения условий равноправного и взаимовыгодного участия в системе международных политических и экономических отношений, включая развитие регионального и субрегионального сотрудничества между самими постсоветскими странами, а также скорейшее урегулирование существующих между ними политических и экономических конфликтов и противоречий (в т.ч. пограничных, водных, энергетических, торговых).

В-третьих, формулируется необходимость налаживания действенного межгосударственного сотрудничества по борьбе с широким спектром общих угроз национальной и региональной безопасности: от борьбы с производством и торговлей наркотиками, незаконной торговлей оружием до налаживания скоординированного противодействия контрабанде товарами и крупным финансовым преступлениям, а также ведения последовательной и неослабевающей борьбы с проявлениями религиозного экстремизма и радикальными группировками террористического характера.

Соответственно, от того, насколько правящие элиты новых суверенных государств Евразии способны дать эффективные ответы на эти вызовы и требования, напрямую зависит последующий ход политических, социальных и экономических процессов в этих странах, их нормализация и последующее конструктивное развитие, либо дальнейшее обострение внутренних противоречий и ухудшение международной обстановки на постсоветском пространстве.

Обращаясь в этой связи непосредственно к внешнеэкономической стороне жизнедеятельности постсоветских стран, следует подчеркнуть, что ее важной характеристикой стали активный поиск и участие в различного рода региональных и субрегиональных организациях экономического сотрудничества.

Значимость этого процесса объясняется тем, что, обретя политический суверенитет и заявив о своем стремлении к проведению в жизнь комплексных национальных планов и программ стратегического характера, направляемых на достижение устойчивого роста основных социально-экономических показателей и улучшение качества жизни населения, многие, а по существу большинство постсоветских стран оказались к этому фактически не готовы. Ибо они не имели не только организационного опыта в осуществлении самостоятельной и эффективной хозяйственной политики, но и необходимого для этих целей кадрового, технологического и финансового обеспечения, а зачастую также достаточных собственных продовольственных, минеральных, энергетических, водных и иных природных ресурсов.

Поэтому уже вскоре после провозглашения национальных суверенитетов новые независимые государства Евразии обратились к нахождению адекватных форм и методов сотрудничества с зарубежными странами на двусторонней и многосторонней основах. К настоящему времени в многостороннем варианте этот процесс наряду с прямым членством постсоветских стран в соответствующих международных экономических организациях, крупнейшей из которых на постсоветском пространстве, несомненно, является ЕАЭС, выражается и в иных формах взаимодействия с ними, в т.ч. с тем же ЕАЭС, а также с китайским проектом «Один пояс — один путь» или с Европейским союзом.

Вновь подчеркнем, что становление и развитие многостороннего экономического сотрудничества постсоветских стран происходит при этом в весьма сложных политических и экономических условиях, и его участникам приходится преодолевать многочисленные трудности как внутреннего, так и внешнего характера, что существенно снижает эффективность получаемых результатов.

Поэтому к числу важных особенностей анализируемого явления относится то, что нередко те или иные постсоветские страны не ограничиваются участием в какой-то одной из международных экономических организаций, но стремятся параллельно сотрудничать и с другими, обосновывая свои действия принципами многовекторности и стараясь извлечь дополнительные выгоды от такой политики в отношениях со своими партнерами, организаторами и спонсорами.

Третьи страны на постсоветском пространстве

Анализу состояния и перспектив межгосударственных политических и экономических связей с новыми государствами на территории бывшего СССР, сравнительно недавно вышедшими на международную арену, уделяется в последние годы все больше внимания в различных странах мира, в т.ч. в США, странах Евросоюза, Китае, Японии, Турции, Индии, Пакистане.

Обращает на себя внимание при этом то, что зарубежными исследователями в официальных ведомствах и ведущих научно-иссле-

тельских центрах этих стран наряду с изучением как уже сложившихся внешних связей постсоветских государств, так и их формирующихся отношений с третьими странами активно разрабатываются научно-практические концепции переустройства, переформатирования этих связей и одновременно формирования качественно новых международных отношений политического и экономического характера с основными глобальными центрами силы. В этой связи уместно упомянуть концепции «Большой Центральной Азии» и «Восточного партнерства», ставшие частью официальной политики США и Евросоюза на постсоветском пространстве.

Из числа внешних партнеров новых суверенных государств Евразии серьезное воздействие на положение дел на постсоветском пространстве — и в экономике, и в политике — вполне предсказуемо стремятся оказывать сопредельные страны, такие как Китай или Иран. Как следствие, их действия, направляемые на обеспечение собственных национальных интересов, одновременно являются важным фактором формирования региональной деловой среды в этой части Евразии, влияющей, так или иначе, на хозяйственную (в т.ч. внешнеэкономическую) политику и практику постсоветских государств.

Нескрываемый интерес к установлению и развитию межгосударственных отношений с постсоветскими странами проявляют и дальние внерегиональные государства, которые в свою очередь можно подразделить на два основных типа. К первому относятся те, которые преследуют на постсоветском пространстве в основном экономические интересы (к их числу относятся Япония, Южная Корея, Индия, Пакистан); ко второму — США и члены Евросоюза, у которых экономические интересы тесно переплетаются с политическими, причем в случае с США политические и военно-стратегические интересы и цели зачастую превалируют над экономическими.

Поэтому серьезного внимания заслуживает выявление реального баланса национальных интересов постсоветских государств и третьих стран в условиях резко обострившейся конкуренции со стороны последних, ведущих борьбу за укрепление собственных позиций в борьбе за постсоветское наследство.

Отношения с США на постсоветском пространстве

В первую очередь важно отметить в этой связи отношения новых суверенных государств Евразии с США, лидерами западного мира, которые совместно со своими союзниками по НАТО стремятся проводить наступательную, а зачастую откровенно агрессивную политику на постсоветском пространстве.

Характерной ее особенностью является то, что США не только не считаются с интересами, имеющимися здесь у России, но и намеренно входят в прямое столкновение с ними. Проведение такой политики в жизнь осуществлялось после распада Советского Союза по существу,

хотя и с разной степенью интенсивности на отдельных исторических этапах, всеми администрациями США, будь то демократические или республиканские, демонстрирующими тем самым антироссийский консенсус между различными группами американской правящей элиты по важнейшим проблемам глобальных и региональных отношений с Москвой.

Что же касается отношений с новыми независимыми государствами Евразии, то в первые годы после их образования в числе внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов со стороны США наблюдалось стремление получить доступ к местным месторождениям природных ресурсов, в первую очередь к месторождениям нефти и природного газа в странах Каспийского региона (Казахстане, Азербайджане, Туркмении и Узбекистане) в целях обеспечения американских энергетических интересов.

Впрочем, по мере более углубленной оценки размеров местных извлекаемых энергетических ресурсов и их роли в глобальном контексте, стоимости их извлечения в условиях волатильности мировых цен на нефть и газ, растущих ограничений прохождения танкеров через турецкие черноморские проливы и рисков транспортировки нефти и газа по трубопроводам через политически нестабильные районы Южного Кавказа, а также проблем с согласованием правового режима эксплуатации Каспийского моря между прибрежными государствами, уровень интенсивности американской энергетической политики в Каспийском регионе стал заметно снижаться.

Это не означало, однако, что США отказываются влиять на развитие энергетического сектора экономики постсоветских стран в своих интересах, стремясь, в частности, максимально ослабить в этом секторе позиции России и оказывая в этих целях поддержку транскаспийским проектам транспортировки местных энергоресурсов на мировой рынок в обход России.

При этом одновременно на передний план американской политики на постсоветском пространстве стали все активнее выходить задачи достижения здесь политических, а также сугубо военно-политических целей. Объяснялось это тем, что, по оценкам американского Конгресса и Государственного департамента, на постсоветском пространстве складывалась ситуация, дающая США историческую возможность утвердить свое политическое и военное присутствие в странах этого региона, длительное время закрытых для Запада.

Не удивительно поэтому, что США начали проводить соответствующую политику на постсоветском пространстве, заметно активизировавшуюся со второй половины 1990-х гг.

Об этом убедительно свидетельствуют их действия в Центральной Азии, где, по признанию авторитетного американского военного аналитика Стивена Бланка, тесно связанного с Пентагоном, «после того, как местные страны стали независимыми, американские экономические, политические и военные интересы постоянно возрастали. До 1994 г. эти

интересы сводились только к экономическим и политическим; о военных не было и речи. Однако затем все изменилось. США стали использовать все имеющиеся у них рычаги, для того чтобы стать важным игроком в Центральной Азии, да и на всей территории Содружества Независимых Государств» [1, с. 127].

При этом США постарались использовать мощный заряд недовольства широких слоев населения в Центральной Азии условиями своей жизни для замены существующих правящих режимов на откровенно прозападные под лозунгами развития демократии. В этих целях в действие были приведены хорошо отработанные в других регионах (в частности, в Восточной Европе) схемы и методы воздействия на общественное мнение через финансируемые западными фондами местные неправительственные организации (далее – НПО), пропагандистскую литературу, издаваемую на западные же средства, и прямую поддержку оппозиционных лидеров соответствующей политической направленности. Умело использовались Соединенными Штатами также иллюзии и просчеты стран Центральной Азии в проведении политики многовекторности.

Не случайно поэтому цветные революции в Центральной Азии начались там, где США/НАТО уже обладали определенными рычагами влияния, в частности в Узбекистане, прибегнув к политике многовекторности в начале 1990-х гг. в целях установления приемлемого для себя баланса в отношениях с основными партнерами на международной арене, лавируя между ними и одновременно преследуя собственные интересы на региональном уровне.

Наглядным проявлением этого курса стало маневрирование Ташкента между Россией и США. После установления дипломатических отношений с Вашингтоном в 1992 г. в течение последующего десятилетия он направлялся на сближение с США при одновременном дистанцировании от России. Таким образом официальный Ташкент рассчитывал создать выгодную для себя альтернативу российскому влиянию и привлечь в страну американские инвестиции и технологии для национального развития в условиях, когда Россия переживала тяжелейший экономический и финансовый кризис и ее возможности оказывать экономическую помощь зарубежным партнерам были ограничены.

Прямыми следствиями проведения этого курса стали поддержка Узбекистаном Соединенных Штатов в ООН, выход из Договора о коллективной безопасности в 1999 г., предоставление согласия на открытие американской военной базы в Ханабаде в 2001 г. и, наконец, подписание Декларации о стратегическом партнерстве с США в 2002 г.

Вместе с тем в Ташкенте явно недооценили геополитические риски такого внешнеполитического курса, которые проявились уже в конце 1990-х гг. с началом американского вмешательства во внутренние дела Узбекистана через сеть прозападных оппозиционных НПО.

Более того, когда в мае 2005 г. произошел вооруженный мятеж радикальных исламистов в Андижане, контртеррористические действия

узбекских властей были интерпретированы американской дипломатией и СМИ как подавление народных волнений и подвергнуты осуждению в резкой форме. Не удивительно, что такое развитие событий привело Узбекистан к кризису в отношениях с США и закрытию американской военной базы в Ханабаде в 2005 г. [2].

Неудачной оказалась попытка США сохранить свое военное присутствие в Киргизии, еще одной центральноазиатской стране. В 2001 г. после ввода вооруженных сил США/НАТО в Афганистан под лозунгами борьбы с международным терроризмом на территории аэропорта Манас вблизи Бишкека была создана авиабаза, которая использовалась американцами и их союзниками вплоть до 2009 г. как объект анти-террористической коалиции. В 2009 г. эта авиабаза была преобразована в Центр транзитных перевозок для авиарейсов ВВС США в Афганистан, но в середине 2014 г. по требованию киргизской стороны этот Центр был закрыт.

Немалую роль в его закрытии сыграло то, что он превратился в крупный американский военный объект на территории Киргизии, на котором были дислоцированы около 1,5 тыс. военнослужащих США и роль которого, по мнению киргизской общественности, вышла за рамки собственно антитеррористической борьбы в Афганистане и стала влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в самой Киргизии.

Впрочем, Соединенные Штаты и в последующем не отказались от надежд сохранить свое военное присутствие в постсоветской Центральной Азии. Очередная попытка в этом направлении была предпринята США после завершения в августе 2021 г. своей явно неудачной 20-летней вооруженной антитеррористической операции в Афганистане.

Спекулируя на опасениях центральноазиатских стран по поводу возможного проникновения к ним экстремистских исламистских группировок из Афганистана, где к власти пришло радикальное движение «Талибан» (запрещенное в России), американская сторона провела зондаж отношения стран Центральной Азии к размещению на их территориях своих антитеррористических подразделений и разведывательных аппаратов для слежения за ситуацией в Афганистане. Однако согласия на это США не смогли получить ни от одной центральноазиатской страны.

Тем не менее Соединенные Штаты продолжили курс на достижение своих политических и военно-политических целей в других частях бывшего СССР, в частности в Грузии и на Украине. Однако и здесь они вынуждены были внести заметные коррективы в свою внешнеполитическую доктрину ввиду негативного опыта, полученного в Афганистане, и массовой критике дома и за рубежом хаотичного вывода американских вооруженных сил из этой страны. Эти события побудили президента США Дж. Байдена публично признать, что уход из Афганистана ознаменовал конец эпохи крупных американских военных операций, направляемых на переустройство других стран, и пообещать, что отныне США будут защищать права и свободы в мире

не путем «бесконечных военных интервенций», а дипломатическими и экономическими методами [3].

За этим обещанием последовали изменения в методах проведения Соединенными Штатами своего политического курса на Украине, где после государственного переворота в 2014 г. пришедший к власти националистический режим стал проявлять нескрываемую заинтересованность в получении западной военной помощи для обеспечения планов силового решения территориальных проблем в Донбассе и Крыму и противодействия политике России. В очередной раз об этом было заявлено киевскими властями в принятой в июле 2021 г. Стратегии внешнеполитической деятельности Украины.

Со своей стороны, США и их союзники по НАТО, откликнувшись на призывы украинского режима, стали помогать ему укреплять его вооруженные силы. В этих целях ими оказывалась помощь в модернизации ВМС Украины за счет передачи в распоряжение Киева патрульных катеров и других военных судов, а также в обустройстве военных баз на украинской территории.

В 2021 г. во время пребывания с визитом в Вашингтоне президента Украины В. Зеленского между оборонными ведомствами США и Украины было даже подписано рамочное соглашение, направленное на расширение сотрудничества в проведении на Украине военных реформ и обеспечение взаимодействия в вопросах кибербезопасности и обмена разведанными. Была обещана также передача украинской стороне американских противотанковых ракет.

Впрочем, после корректировки Байденом методов проведения внешнеполитической доктрины США, о причинах чего шла речь выше, размеры обещанной военной помощи Украине оказались достаточно скромными (в пределах 60 млн долл.). Американское руководство также уклонилось от формальных обязательств Украине по включению ее в ПДЧ, программу по принятию новых членов в НАТО, на что явно рассчитывал В. Зеленский.

Тем не менее посетивший Киев в октябре 2021 г. шеф Пентагона Л. Остин заверил украинские власти, что Вашингтон в соответствии с ранее указанным двусторонним рамочным соглашением неизменно будет оказывать им поддержку в проведении военных реформ, способствующих реализации евроатлантических устремлений Украины и ее вступлению в НАТО.

ОПОП и ЭПШП – китайские проекты со-развития

В начале текущего столетия на постсоветском пространстве стала разворачиваться деятельность крупной международной экономической организации, а именно китайского мегапроекта «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП). Идея его создания была первоначально предложена руководством КНР осенью 2013 г. и обосновывала необходимость осуществления при активном участии Китая широкомасштабной моде-

ли международного экономического сотрудничества и развития. О глобальной значимости ОПОП свидетельствовали данные, обнародованные на втором Форуме ОПОП (Пекин, апрель 2019 г.), согласно которым 126 стран Азии, Америки, Африки, Европы и Океании, а также 26 международных организаций заключили соглашения с Китаем о сотрудничестве в рамках этого проекта [4].

В рамках этой инициативы, концепция и план действий по реализации которой были приняты в Пекине в марте 2015 г., должно было стать осуществление двух крупных проектов — «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП) и «Морской шелковый путь XXI в.», в задачу которых входило обеспечение выхода Китая на зарубежные рынки в Европе, Азии и южной акватории Тихого океана. При этом проектом ЭПШП предусматривалось создание трех трансевразийских экономических коридоров, в т.ч. через территории России и ее партнеров по ЕАЭС и СНГ.

Достижение этих целей в рамках ЭПШП предполагалось осуществить путем создания ряда транспортно-инфраструктурных объектов (скоростных железных дорог и автомагистралей, мостов, портов), прокладки нефте- и газопроводов, а также оказания финансовой поддержки со стороны специально создаваемых кредитно-финансовых организаций. Крупнейшей организацией такого рода стал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, открытый в Пекине в январе 2016 г.

Эти действия должны позволить Китаю не только выстроить единую транспортную систему от Тихого океана до Балтийского и Средиземного морей, но и укрепить свои торговые связи и инвестиционное сотрудничество с транзитными государствами. Следует также подчеркнуть, что в официальной деятельности Китая в этой части евразийского континента доминировала разработка не столько политических, сколько экономических интеграционных схем с расположенными здесь постсоветскими странами.

Наконец, осуществление ЭПШП должно также, по мысли его организаторов, решить ряд внутренних проблем в самом Китае, придав мощный импульс развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района и других западных провинций страны.

Проект ЭПШП получил в целом положительный отклик практически во всех постсоветских странах Евразии, которые усмотрели существенные выгоды для своего участия в его реализации и стали активно разворачивать сотрудничество с Китаем в рамках этого проекта.

Формировалась основа и для взаимовыгодного сотрудничества России и Китая в рамках ЭПШП, а также сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, о чем Россия и Китай договорились еще в мае 2015 г., подписав соответствующее соглашение. Оно предусматривает расширение торгово-инвестиционного сотрудничества и оптимизацию торговли; реализацию проектов инфраструктурного со-развития; содействие увеличению расчетов в национальных валютах и рассмотрение долгосрочной цели продвижения к созданию зоны свободной торговли между Китаем и ЕАЭС [5].

В этой связи заслуживает серьезного внимания анализ перспектив сопряжения ЕАЭС и китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути ввиду не только ожидаемых выгод, но и реальных расхождений в целях и методах такого взаимодействия между его участниками.

Ведь если заинтересованность России и других членов ЕАЭС в сотрудничестве с Китаем в значительной степени обусловлена тем, что без него реализация многих проектов ЕАЭС является трудно-выполнимой (или даже вообще невозможной) из-за острой нехватки средств для их финансирования в условиях растущих западных анти-российских санкций и отказе России в доступе к западным кредитам, то заинтересованность Китая во взаимодействии между ЕАЭС и ЭПШП заключается в том, что в результате должны быть созданы благоприятные условия по обеспечению выхода Китая на западные рынки путем осуществления ряда транспортно-инфраструктурных проектов через территорию России, Беларуси и стран Центральной Азии до Европы.

Такая основа для взаимовыгодного сопряжения ЕАЭС и ЭПШП представляется достаточно ограниченной и, скорее всего, временной, ибо Китай, следуя собственным стратегическим интересам, предпочитает иметь отношения с центральноазиатскими странами или Беларусью на двусторонней основе, тогда как Россия, следуя своим интересам, — на многосторонней, а именно в рамках ЕАЭС.

Поэтому в интересах России в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП должны быть созданы условия для обеспечения приоритетности реализации именно совместных проектов стран — членов ЕАЭС в сфере транспорта и инфраструктуры.

Следует также весьма осторожно реагировать на стремление Китая создать зону свободной торговли с членами ЕАЭС, тщательно изучив целесообразность заключения соглашения о ее создании, ибо в современных условиях огромного диспаритета в их экономических потенциалах создание такой зоны выглядит как однозначно выгодное Китаю. Впрочем, в современных условиях ужесточения экономических санкций США в отношении не только России, но и Китая, заинтересованность в деловом сотрудничестве между Москвой и Пекином на двусторонней и многосторонней основе остается весьма высокой.

***«Восточное партнерство» с ЕС — программа сотрудничества
или противостояния?***

На противоположном фланге постсоветского пространства продолжает расширяться круг бывших советских республик, которые вслед за странами Балтии уже сделали или же намерены сделать выбор в пользу основной ориентации своего экономического развития на западные центры силы и влияния, сворачивая при этом масштабы и интенсивность отношений с Россией, сводя их к минимуму в одних областях и доводя до полного разрыва в других. Речь идет в первую очередь о Грузии, Украине и Молдове.

Наряду с активизацией интереса в ряде постсоветских стран на сближение и укрепление торгово-экономического, инвестиционного и технологического сотрудничества с западными соседями, в первую очередь с государствами – членами Евросоюза, руководство ЕС в свою очередь также иницирует и осуществляет обширные программы, стимулирующие такое развитие событий.

Следует заметить, однако, что существенными особенностями этих программ является, во-первых, то, что они разрабатываются в условиях сохраняющегося и даже растущего санкционного давления Евросоюза на Россию. Во-вторых, предоставление торговых, финансовых и иных экономических стимулов и льгот странам-реципиентам на постсоветском пространстве обуславливается рядом условий и рекомендаций политического и экономического характера, выполнение которых должно фактически способствовать переориентации этих стран на Евросоюз, охлаждение и даже отрыв от традиционного сотрудничества с Россией.

Одной из наиболее масштабных программ такого рода является «Восточное партнерство», действующее с 2009 г. и направленное на развитие интеграционных связей Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Важно отметить, что одновременно эта программа является и геополитическим проектом Евросоюза, носящим практически нескрываемые его организаторами и спонсорами антироссийские цели. Резкое обострение негативной позиции Евросоюза в отношении России, произошло в 2014 г. после того, как ЕС осудил воссоединение Крыма с Россией и вменил ей в вину активную поддержку возникших на юго-востоке Украины Донецкой и Луганской народных республик. Следствием этих обвинений явилось то, что «Восточное партнерство» стало одним из пространств конфронтации Евросоюза и России.

В свою очередь отношение и мотивация самих вышеперечисленных постсоветских стран к участию в программе «Восточное партнерство» заметно отличаются друг от друга в зависимости от сложившейся или формирующейся у них внутренней социально-политической и экономической обстановки.

Грузия, Украина и Молдова, например, заключив соглашения с Евросоюзом об ассоциированном партнерстве и получив в результате определенные торговые, экономические и визовые льготы на европейском рынке, рассматривают их как важный, но все же промежуточный этап на пути к своему полноценному членству в ЕС.

Весьма последовательно этой цели добиваются в Грузии, где ее достижение преследует не только правящий режим, но поддерживают крупнейшие политические партии и большинство населения страны. Аналогичная ситуация сложилась и на Украине, курс на евроинтеграцию которой остается неизменным после президентских и парламентских выборов 2019 г. В Молдове же наряду с вступлением в Евросоюз значительная часть общества продолжала выступать за сохранение и даже активизацию отношений с Россией и Евразийским экономи-

ческим союзом. Тем не менее после победы правых политических сил на президентских и последовавших за ними парламентских выборах в 2020–2021 гг. в официальной внешней политике Молдовы заметно усилились прозападные настроения и изменения.

Азербайджан формально не преследует цели вступления в ЕС, концентрируясь при развитии взаимодействия с Евросоюзом на решении конкретных экономических вопросов. Действительно, члены ЕС являются его крупнейшим совокупным внешнеторговым партнером и инвестором, тогда как Азербайджан в свою очередь рассматривается в Евросоюзе как важный стратегический партнер в энергетической области, обеспечивающий определенную часть потребностей ЕС в нефтегазовых ресурсах из Каспийского региона. Основы энергетического сотрудничества между ЕС и Азербайджаном были заложены в 2006 г., т.е. еще до создания программы «Восточного партнерства». Десять лет спустя, в 2016 г., они были расширены и дополнены в рамках новой программы Евросоюза, которая предусматривает, в частности, поддержку Азербайджана в области проводимой им энергетической политики за счет предоставления ему доступа к технологическим и финансовым ресурсам ЕС.

Вместе с тем при всей очевидной взаимной заинтересованности в развитии экономического и энергетического сотрудничества руководство ЕС не ограничивается в отношениях с Азербайджаном только этими целями, но устанавливает и развивает контакты с ним по другим, в т.ч. сугубо политическим направлениям. Так, дальнейшему развитию этих отношений должно послужить заключение нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном, которое создаст условия для развития сотрудничества между сторонами по широкому кругу вопросов, включая не только развитие экономических связей, но и активизацию политического диалога между ними.

Очевидные политические аспекты носит и вступившее в силу в 2014 г. соглашение между ЕС и Азербайджаном об упрощении визового режима с целью посещения стран Евросоюза и реадмиссии. Дополнительные льготы были предоставлены при этом молодежи и студентам, которые создают возможности получения или продолжения ими образования в европейских учебных заведениях.

Что касается еще одной закавказской страны, *Армении*, то бывшее ее руководство, заключив в ноябре 2017 г. соглашение о партнерстве с ЕС, охватывавшее сферы политического диалога, экономики и безопасности, стремилось тем самым подтвердить принципы многовекторности внешней политики страны, следование которым объявлялось необходимым для успешного проведения назревших экономических реформ и комплексной модернизации национальной производственной базы.

Не ставя под сомнение реальность этих проблем и необходимость их решения, следует заметить, что заключение вышеупомянутого соглашения с ЕС явилось в то же время и попыткой проведения бывшим руководством Армении политического маневра с целью если не упредить,

то хотя бы приостановить явно нараставший рост протестных настроений в стране и удержаться у власти. Это, как известно, ему не удалось, и затем уже новое руководство страны, сохраняя связи с ЕАЭС, взяло курс на их постепенную фактическую замену активизацией отношений с Евросоюзом. В результате усилились критические и даже негативные настроения в Армении относительно ее участия в ЕАЭС. Согласно данным социологического опроса, проведенного Евразийским банком развития (ЕАБР), уровень общественной поддержки участия в ЕАЭС сократился в Армении с 67% в 2013 г. до 46% в 2016 г. [6, с. 51]. Одним из последствий этого сдвига в общественном мнении стало подписание Арменией Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Евросоюзом в ноябре 2017 г. Впрочем, как показали последующие события, а именно масштабный вооруженный конфликт с Азербайджаном в 2020 г., такой курс, который обосновывался принципами многовекторности, не принес Еревану ни экономических, ни политических выгод и не уберег Армению от национальной трагедии.

Наконец, в отношениях между Евросоюзом и *Беларусью*, еще одним участником программы «Восточное партнерство», стала складываться ситуация, когда руководство ЕС, используя экономические трудности, переживаемые этой страной, активизировало попытки побудить Минск к уступкам во внутренней и внешней политике в обмен на облегчение доступа на европейский рынок и упрощение таможенных процедур.

В качестве ответных мер руководство Беларуси действительно стало вносить определенные изменения во внешнюю политику страны, на практике означавшие фактическую замену ранее заявленного приоритета на создание Союзного государства с Россией поиском признания на Западе. При этом курс на такие изменения заметно активизировался после того, как Запад начал вводить антироссийские санкции в ответ на воссоединение Крыма с Россией и эскалацию вооруженного противостояния на юго-востоке Украины.

В свою очередь, после того как Минск отказался поддержать позицию России по Крыму и при этом активизировал политические и торгово-экономические связи с новым режимом в Киеве¹, США и Евросоюз в качестве поощрения приступили к отмене ранее действовавших ограничений и санкций в отношении Беларуси и возобновили деловые контакты с режимом А. Лукашенко. Впрочем, эти изменения носили строго дозированный и по существу ограниченный характер, и расчеты Минска на получение остро необходимой ему экономической помощи от Запада, включая выделение кредитов МВФ, оказались несостоятельными.

Иными словами, многовекторные маневры Минска по нахождению зарубежных спонсоров на Западе и привлечению оттуда массированной

¹ Более того, в СМИ регулярно поступали сведения о том, что Беларусь *de facto* развивала военно-техническое сотрудничество с Украиной, помогая ей в ремонте боевых машин, поставляя различную военную технику и продавая ей дизтопливо, которое в дальнейшем использовалось для заправки украинских танков [7].

финансовой помощи и современных высокотехнологичных инвестиций не принесли (да и не могли принести без кардинальных политических уступок с его стороны и фактического отказа от действующей в стране социально-политической модели) желаемых результатов.

Бесспорным при этом стало и то, что у Беларуси не нашлось сколько-нибудь адекватной замены финансовой и экономической помощи от России, регулярно предоставляемой как в виде льготных кредитов и субсидий, так и в результате значительных ценовых скидок на товары российского экспорта, включая энергоресурсы, и составляющей, по имеющимся оценкам, ежегодно порядка 10 млрд долл., или до 15% ВВП Беларуси. Добавим к этому, что к концу марта 2020 г. объем льготных кредитов, предоставленных Минску Москвой, достиг почти 8 млрд долл. [8]. А это диктовало белорусскому руководству необходимость сохранения, хотя и в изменившихся формах, российского вектора в качестве профилирующего во внешней политике своей страны.

Необходимость получения новой экономической помощи от России и далее неизменно продолжала нарастать и приобрела для руководства Беларуси поистине критический характер после того, как в стране развернулось массовое протестное движение в связи с непризнанием оппозицией, объединившей в своих рядах сторонников местных прозападных и ультранационалистических сил, официальных итогов президентских выборов в августе 2020 г. При этом оппозиция в своих действиях опиралась не только на политическую и пропагандистскую поддержку Евросоюза, но фактически и на экономическую в результате введения Евросоюзом вслед за США санкций против важных для Минска секторов экономики.

В этих условиях Россия становилась едва ли ни единственным источником финансовой и экономической помощи для Беларуси со всеми вытекающими для нее политическими и экономическими последствиями.

В сентябре 2021 г. в Москве состоялись переговоры между президентами двух стран, на которых ожидаемо были согласованы 28 союзных программ экономического характера по углублению интеграционных процессов между Россией и Беларусью и созданию на их базе условий для последующего проведения политических интеграционных мероприятий.

Пакет вышеуказанных программ, направленных на унификацию законодательства двух стран в различных областях экономики, выравнивание условий деятельности хозяйствующих субъектов, построение единых финансовых и энергетических рынков, транспортного пространства, формирование и реализацию общей промышленной и сельскохозяйственной политики, был затем одобрен на заседании Совета министров Союзного государства в Минске. При этом правительство Российской Федерации и Совет министров Республики Беларусь заявили о своем намерении обеспечить эффективную реализацию достигнутых дого-

воренностей в целях дальнейшего углубления союзнических отношений между двумя государствами, содействия их устойчивому развитию и защиты интересов двух стран на международной арене.

Планы субрегионального сотрудничества

Наряду с участием в крупных международных экономических объединениях интеграционного характера заметно активизировались общественные настроения в постсоветских странах, расположенных в Центрально-Азиатском регионе, в пользу налаживания взаимного субрегионального сотрудничества. В чем причины этой активизации, является ли она результатом действия преимущественно внутренних или внешних факторов и каких именно? В самих странах Центральной Азии причины происходящего называют разные, в т.ч. и такие, как наблюдаемые в последнее время изменения во внешней политике Узбекистана, направляемые на формирование регионального рынка на выгодных для Ташкента условиях, или якобы существующие намерения Узбекистана и Казахстана совместно перестроить Центрально-Азиатский регион в своих интересах.

Насколько верны эти мнения и суждения? Имеются ли предлагаемые при этом какие-то конкретные региональные/субрегиональные планы сотрудничества стран Центральной Азии и насколько они сочетаются с уже существующими и реализуемыми программами ЕАЭС и ЭПШП или противопоставляются им?

Складывается впечатление, что идущие на различных уровнях в странах Центральной Азии дискуссии относительно стратегии многостороннего экономического сотрудничества в регионе пока, во всяком случае, во многом декларативны и не опираются на проработку конкретных организационных и материальных предпосылок такого взаимодействия. Тем не менее, было бы серьезной стратегической ошибкой игнорировать рост общественных настроений в этих странах в пользу налаживания взаимного экономического сотрудничества. Востребованность в нем может побудить (и фактически уже побуждает) зарубежных партнеров центральноазиатских стран, в первую очередь в США, Евросоюзе и Турции, предлагать концептуальные разработки моделей такого сотрудничества, которое осуществлялось бы при содействии западных экспертов, получало бы западную финансовую и технологическую поддержку и фактически побуждало бы страны Центральной Азии к смене геополитического и геоэкономического векторов своего развития в пользу сближения с Западом.

При этом в последнее время зарубежными партнерами, в частности Турцией, активизировалась поддержка действий местных националистических сил русофобской направленности на радикальное ограничение влияния России в культурно-цивилизационной жизни стран Центрально-Азиатского региона.

В этих условиях у России и ее союзников нет другой альтернативы как не только подвергать аргументированной критике перспективы ре-

ализации подобного сценария социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии, но и активно пропагандировать реальные альтернативы ему, а также значительные выгоды, которые эти страны могут получить, в частности привлекая ЕАЭС, члены которого обладают углубленным знанием конкретных условий Центрально-Азиатского региона и необходимым материально-техническим потенциалом, к разработке и реализации крупных региональных экономических проектов, в т.ч. при решении водной или энергетической проблем региона.

* * *

Распад Советского Союза и образование новых суверенных государств на его территории сопровождался возникновением и последующим развитием целого ряда сложных и противоречивых политических и экономических процессов и явлений.

Для решения связанных с этим проблем абсолютным большинством постсоветских стран в сфере международных отношений по причинам, изложенным в ходе предыдущего анализа, была взята на вооружение концепция многовекторности, которая была положена в основу их внешней политики и стала проводиться в жизнь с учетом национальных особенностей и специфики конкретных задач общественного развития. В результате эта концепция, хотя и в различных формах и с заметными отличиями в последовательности и эффективности ее реализации, стала важнейшей характеристикой внешнеполитического курса постсоветских стран.

Вместе с тем было отмечено и то, что с течением времени под воздействием различного рода внутренних и внешних социальных, экономических, политических и военно-политических факторов, первоначально декларируемые принципы политики многовекторности постсоветских стран претерпели заметные, нередко принципиальные перемены.

Спустя три десятилетия после своего образования, постсоветские страны, пройдя через горнило бурных и неоднозначных процессов формирования национальной государственности, в которых отразились как существенные сдвиги в расстановке основных внутривнутриполитических и социальных сил, так и изменения, происходившие в международной обстановке, стали существенно отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное, по своим стратегическим целям, стремлениям и ориентациям. А это, в свою очередь, обусловило серьезные сдвиги в их подходах к выстраиванию отношений со своими внешнеполитическими партнерами как в двустороннем, так и многостороннем форматах.

Следует также подчеркнуть, что постсоветские страны — молодые суверенные государства, у которых еще не сформировались (или не вполне сформировались) устойчивые национальные интересы и которые про-

должают находиться в процессе государственного становления. Поэтому следует признать, что нередко наблюдаются резкие колебания в их внешнеполитическом курсе, отражающие интересы различных групп и кланов, продолжающих вести ожесточенную борьбу за власть.

При этом одни из этих стран принимают участие в реализации евразийского интеграционного проекта, возглавляемого Россией, другие стремятся обеспечить решение своих внешнеполитических и внешнеэкономических задач, прибегая к приоритетному укреплению связей с США и Евросоюзом, третьи видят выход в активизации ориентации преимущественно на ближайших региональных партнеров (таких как Китай, Турция, Иран). Впрочем, ни одно из этих направлений внешнеполитической деятельности не стало доминирующим на постсоветском пространстве, более того, отдельные их элементы могли получать приоритетное значение во внешнеполитической практике, соседствуя с другими или даже сменяя их на различных периодах развития тех или иных постсоветских стран. Иными словами, проблема формирования устойчивого и последовательного внешнеполитического курса постсоветских стран еще далека от своего разрешения.

Как представляется, к числу важнейших национальных приоритетов России относится проведение в этих условиях такого внешнеполитического курса на постсоветском пространстве, который бы максимально гибко и своевременно реагировал на идущие здесь социальные, экономические и политические процессы и был направлен на проведение эффективной и продуманной политики, подчеркивая при этом, что ее важнейшими задачами являются отнюдь не внешнеполитическая экспансия, не установление великодержавной гегемонии, но развитие партнерских и дружественных связей с постсоветскими странами на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга.

В этих целях, как показывает практика, Россия действительно стремится активно содействовать укреплению политического и экономического сотрудничества с постсоветскими странами на двусторонней и многосторонней основе, наращивать взаимодействие с ними в сфере обеспечения военно-политической безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, транснациональной преступности и незаконной миграции, расширять сотрудничество с этими государствами в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах.

Признавая право своих партнеров на проведение суверенной внешней политики, Россия не может вместе с тем игнорировать то, что реализация ими такой политики нередко не только не учитывает ее национальные интересы, но и прямо им противоречит, и, как следствие, обуславливает недостаточную надежность этих стран в качестве союзников и партнеров России.

Особенно чувствительно это воспринималось и воспринимается во внешнеполитических действиях тех постсоветских стран, с которы-

ми Россию связывают не только партнерские, но и прямые союзнические отношения (как, например, в рамках ОДКБ или создаваемого совместно с Республикой Беларусь Союзного государства). Поэтому Россия, уважая их право на выстраивание отношений с другими международными субъектами, должна добиваться соблюдения ими своих обязательств, взятых либо в результате прямых двусторонних соглашений с Москвой, либо в рамках региональных интеграционных структур с совместным участием (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС).

Список литературы

1. Blank S. The United States and Central Asia // *Central Asia Security. The New International Context* / Ed. by Roy Allison and Lena Jonson. London Washington D.C., 2001.
2. Попов Д. Место Узбекистана в центральноазиатской политике США // *Россия и мусульманский мир*. 2015. № 9 (279). С. 63–85.
3. Паниев Ю. Демократию насильно не навяжешь // *Независимая газета*. 2021. 5 сентября.
4. «AsiaTimes». Hongkong. 2019. 28 April.
5. Плачинда Л.Ю. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути – Партнерство в интересах роста. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/EEC_2.pdf
6. Винокуров Е.Ю., Коршунов Д.А., Перебоев В.С., Цукарев Т.В. Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
7. Российско-белорусские отношения должны быть полностью реформированы // *EADaily*. URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/01/06/rossiysko-belorusskie-otnosheniya-dolzny-byt-polnostyu-pereformatirovany?utm_source=smi2
8. Соловьева О. Новые санкции усиливают интеграцию Белоруссии с Россией // *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-06-03/1_8165_sanctions.html

References

1. Blank S. The United States and Central Asia. *Central Asia Security. The New International Context*. Ed. Roy Allison and Lena Jonson. London Washington D.C., 2001.
2. Popov D. Mesto Uzbekistana v tsentral'no aziatskoi politike SShA [Uzbekistan's Place in US Central Asian Politics]. *Rossiia i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 2015, No. 9 (279), pp. 63–85. (In Russ.).
3. Paniev Iu. Demokratiu nasil'no ne naviazhesh' [Democracy Cannot Be Imposed by Force]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent Newspaper]. 2021. 5 September.
4. «AsiaTimes». Hongkong. 2019. 28 April.
5. Plachinda L.Iu. Sopriazhenie EAES i Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti – Partnerstvo v interesakh rosta [Conjugation of the EAEU and the Silk Road Economic Belt – Partnership for Growth]. (In Russ.). Available at: https://www.unescap.org/sites/default/files/EEC_2.pdf
6. Vinokurov E.Iu., Korshunov D.A., Pereboev V.S., Tsukarev T.V. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz [Eurasian Economic Union]. Saint-Petersburg, TsII EABR, 2017, 296 p. (In Russ.).

7. Rossiisko-belorusskie otnosheniia dolzhny byt' polnost'iu pereformatirovany [Russian-Belarusian Relations Should Be Completely Reformatted]. *EADaily*. (In Russ.). Available at: https://easily.com/ru/news/2017/01/06/rossiysko-belorusskie-otnosheniya-dolzhny-byt-polnostyu-pereformatirovany?utm_source=smi2

8. Solov'eva O. Novye sanktsii usilivaiut integratsiiu Belorussii s Rossiei [New Sanctions Strengthen the Integration of Belarus with Russia]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent Newspaper]. (In Russ.). Available at: https://www.ng.ru/economics/2021-06-03/1_8165_sanctions.html

POST-SOVIET STATES OF EURASIA IN INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

The present article is devoted to the analysis of participation of new post-Soviet Eurasian states in international economic relations, of current goals and strategic targets of this policy in the economic development of these states. Many, in fact the majority of them appeared to be unable after achieving political sovereignty to solve complex economic problems of national development since they had neither organizational experience in carrying out an independent and effective economic policy nor the personnel, technological and financial provisions for these goals. Therefore new independent Eurasian states had to approach foreign countries searching for adequate forms and methods of cooperation with them on these issues. In this connection the article explores the nature of interrelations between post-Soviet states with their principal foreign partners on a bilateral basis as well as in multilateral international economic organizations, of the comparative role of political and economic factors in these relations. Some of the post-Soviet states have begun their participation in the Eurasian integration project headed by Russia, others aim at solving their external political and economic problems by strengthening relations with the USA and European Union on a priority basis, still others see the way out in promoting their orientation primarily on their closest regional partners (such as China, Turkey, Iran). However, neither of these directions of external economic activities has become a dominant one on the post-Soviet space. Moreover, some of their elements may get a priority significance, neighboring others or even replacing them at various stages of development of this or that post-Soviet state. Besides, three decades after their formation the new sovereign Eurasian states having endured complex processes of national state building began to differ substantially from each other by their political systems, by levels of economic development and above all – by their strategic goals, aspirations and orientations. And in its turn this has caused serious changes in their approaches to building relations with their external partners, both in bilateral and multilateral formats. Under these conditions the most important national priority of Russia is to implement such a foreign policy at the post-Soviet space that would react timely and most flexibly at social, political and economic processes going on there and emphasizing that most important goal of such a policy is neither a political expansion or an institution of a great power hegemony but development of partnership and friendly relations with the post-Soviet states on the basis of equality and mutual benefits.

Keywords: development scenarios, international trade, investment climate, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Eastern Partnership.

JEL: F02, F13

Дата поступления – 25.09.2021 г.

ЧУФРИН Геннадий Илларионович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель постсоветских исследований;

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, 117997.

e-mail: chufrin@imemo.ru

CHUFRIN Gennady I.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Scientific Head of Post-Soviet Research;

National research Institute of world economy and international relations named after Primakov of the Russian Academy of Sciences / 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.

e-mail: chufrin@imemo.ru

Для цитирования:

Чуфрин Г.И. Постсоветские государства Евразии в международных экономических отношениях // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 89–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-89-110>